

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОЦЕНКА ДЕЙСТВИЙ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ АКТОВ АГРЕССИИ

Багандова Лейла Закировна

младший научный сотрудник,
Институт государства и права
Российской академии наук,
Москва, Россия
E-mail: leyla.bagandova@mail.ru

Предмет исследования: уголовно-правовые отношения, возникающие при привлечении военнослужащих к ответственности за участие в актах агрессии, особенности квалификации их действий как соучастия в преступлении, а также проблемы исполнения преступных приказов в условиях военных действий.

Цель исследования заключается в комплексном анализе правовых норм, регулирующих уголовную ответственность военнослужащих за участие в актах агрессии, изучении исторического опыта Нюрнбергского процесса и современной практики применения норм об ответственности за военные преступления, выявлении существующих проблем в правоприменительной деятельности и разработке предложений по совершенствованию законодательства.

Методы исследования включают формально-юридический анализ нормативно-правовых актов; сравнительно-правовой метод при изучении отечественного и международного законодательства; историко-правовой анализ материалов Нюрнбергского процесса; системный подход при исследовании уголовно-правовых норм о соучастии; метод правового моделирования при разработке предложений по совершенствованию законодательства.

Объекты исследования: нормы международного и национального уголовного права, регулирующие ответственность за агрессию; материалы Нюрнбергского процесса и современной судебной практики; правовые позиции международных трибуналов по вопросам ответственности военнослужащих; доктринальные подходы к пониманию института соучастия в военных преступлениях.

Основные результаты исследования: в ходе исследования выявлены проблемы квалификации действий военнослужащих при исполнении преступных приказов; обоснована необходимость разграничения ответственности руководителей и исполнителей военных преступлений; предложены рекомендации по совершенствованию механизма привлечения к ответственности за военные преступления с учетом специфики участия военнослужащих; разработаны критерии определения пределов ответственности за исполнение преступных приказов в условиях военных действий.

Ключевые слова: акт агрессии, военнослужащие, институт соучастия, исполнение приказа, исполнение распоряжения, преступление агрессии.

CRIMINAL LEGAL ASSESSMENT OF MILITARY PERSONNEL'S ACTIONS IN CARRYING OUT ACTS OF AGGRESSION

Leyla Z. Bagandova

Junior Researcher,
Institute of State and Law Russian Academy
of Sciences,
Moscow, Russia
E-mail: leyla.bagandova@mail.ru

Subject of research is the criminal law relations that arise when military personnel are held accountable for participating in acts of aggression, the specifics of qualifying their actions as complicity in a crime, as well as the problems of executing criminal orders in the context of military operations.

Purpose of research to conduct a multifaceted examination of the legal framework regulating the imposition of criminal liability upon military personnel involved in aggressive actions. The investigation seeks to delve into the intricate web of legal provisions that govern such responsibilities while simultaneously exploring the profound historical legacy of the Nuremberg trials.

Research methods include formal legal analysis of normative legal acts; comparative legal method in the study of domestic and international legislation; historical and legal analysis of the materials of the Nuremberg trials; a systematic approach in the study of criminal law norms on complicity; the method of legal modeling in the development of proposals for improving legislation.

Objects of research: norms of international and national criminal law governing responsibility for aggression; materials of the Nuremberg trials and modern judicial practice; legal positions of international tribunals on military liability; doctrinal approaches to understanding the institution of complicity in war crimes.

Research findings: in the course of the study, the peculiarities of bringing to justice for complicity in crimes of aggression were analyzed, and the problems of qualifying the actions of military personnel in the execution of criminal orders were identified. The necessity of distinguishing the responsibilities of leaders and perpetrators of war crimes is substantiated. Recommendations are proposed to improve the mechanism of prosecution for war crimes, taking into account the specifics of the participation of military personnel. Criteria for determining the limits of responsibility for the execution of criminal orders in the context of military operations have been developed.

Keywords: an act of aggression, military personnel, institution of complicity, execution of an order, execution of an order, crime of aggression.

ВВЕДЕНИЕ

Преступление агрессии представляет собой наиболее опасную форму посягательства на фундаментальные основы международного правопорядка, являясь исключительным вызовом миру и безопасности человечества в целом. В правовой доктрине данное деяние рассматривается как феномен, обладающий

повышенной степенью общественной опасности и требующий жесткого уголовно-правового реагирования.

В рамках отечественного законодательства регламентация ответственности за преступление агрессии осуществляется посредством статьи 353 Уголовного кодекса Российской Федерации. Данная норма устанавливает императивный запрет на

осуществление целого комплекса противоправных действий, включающих разработку стратегических планов агрессивной войны, осуществление подготовительных мероприятий к ее реализации, инициирование военных действий и непосредственное ведение агрессивной войны.

Субъектный состав рассматриваемого преступления характеризуется специфическими признаками, определяющими особый статус лиц, подлежащих уголовной ответственности. В доктрине уголовного права сформировалось устойчивое представление о том, что субъектами данных преступлений могут выступать исключительно лица, занимающие значимые государственные должности федерального или регионального уровня, наделенные реальными властными полномочиями и обладающие возможностью в рамках своих должностных функций осуществлять планирование военных действий, принимать стратегические решения в сфере межгосударственных отношений, а также располагающие необходимыми ресурсами для практической реализации агрессивных намерений [4, с. 1006].

Проблемой при квалификации рассматриваемых преступлений является правовая оценка действий лиц, которые принимают непосредственное участие в реализации планов руководящих лиц и осуществляют военные действия [6, с. 289, с. 296]. Преступления против мира и безопасности человечества представляют собой систему действий, определенный род деятельности (подготовка и развязывание агрессивной войны, экономические блокады, акты международного терроризма). Такая деятельность по своей природе и масштабам требует согласованности действий значительного числа лиц.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

Для разрешения настоящего вопроса представляется целесообразным обратиться к материалам Нюрнбергского процесса, на котором впервые состоялось рассмотрение вопросов привлечения к индивидуальной уголовной и международной ответственности за акты агрессии. Вопрос соучастия вызывал существенные разногласия союзников в Нюрнбергском процессе. Как отмечает А. Н. Савенков, «в большинстве работ о Нюрнберге обвинение в соучастии описывается как нововведение, которое встретило сопротивление со стороны других союзников. Наблюдалось существенное расхождение во взглядах, касающихся принципов заговора (преступного сговора), разработанных в англо-американском праве, которые не полностью

разделялись континентальными юристами. Континентальное право признавало преступными пособничество и подстрекательство, но не все аспекты преступления заговора» [8, с. 187].

А. Н. Трайнин внес значительный вклад в развитие теории соучастия в преступлении, посвятив этому феномену отдельную главу своих научных трудов. Его подход к пониманию соучастия представлял собой комплексное исследование, охватывающее широкий спектр преступных взаимодействий и форм объединения злоумышленников.

Концепция соучастия по Трайнину рассматривалась как многогранное явление, включающее не только непосредственное участие в преступлении, но и опосредованные формы вовлечения в преступную деятельность. Ученый подчеркивал, что соучастие может проявляться в самых различных формах: от участия в организованных преступных группах до создания бандформирований и заговоров. При этом характерной особенностью такого соучастия является то, что отдельные участники могут не знать всех остальных членов преступной организации, однако это не освобождает их от ответственности за совершенные противоправные деяния.

Особую значимость теория соучастия приобрела в контексте международного права. А. Н. Трайнин обосновал, что в международных преступлениях практически невозможно встретить одиночного преступника – всегда присутствует сложная система взаимодействующих элементов, включающая управленческие структуры, исполнительные аппараты и многочисленные организации.

Иерархическая структура ответственности в таких случаях приобретает особое значение. Наибольшую степень вины несут руководители преступных формирований, которые не только отдают приказы, но и выстраивают преступную политику. В качестве исторического примера А. Н. Трайнин приводил нацистскую Германию, где высшие офицеры и командиры несли основную ответственность за создание системы, попирающей фундаментальные принципы международного права и превращающей государственную политику в инструмент организованного бандитизма.

Таким образом, концепция соучастия, разработанная А. Н. Трайниным, представляет собой фундаментальный вклад в развитие уголовного права, особенно в части квалификации сложных форм преступной деятельности с множественностью участников [9, с. 78–92].

И. Т. Никитченко (член Международного военного трибунала в Нюрнберге от СССР)

подчеркивал: «Группа лидеров должна нести ответственность не только за свои собственные действия, но и за все действия, совершенные государством. В ином случае мы можем сбиться с пути. Заговор. Мы практики, а не дискуссионный клуб. Принцип фюрера – это не довод для защиты: он не находится в противоречии с заговором. В любой преступной группе имеется лидер. Молчаливое согласие – это то же самое, что и открытая поддержка. Эта идея явственно просматривается во всей теории обвинения. Никогда нет равенства в заговоре. В соответствии с Уставом предусматривается заговор и для военных преступлений, и для преступлений против человечности. Никакого противоречия нет в этом пункте между Уставом и Обвинительным заключением. Этот заговор является самостоятельным преступлением ... Если мы отвергнем заговор, мы не сможем привлечь к ответственности каждого, кто несет ответственность за действия других» [5, с. 54].

А. Н. Трайнин выделил следующую особенность соучастия в таких преступлениях: исполнитель может непосредственно не выполнять действия, образующие объективную сторону преступления. Для этого существует «исполнительный аппарат». При этом лица, которые используются в качестве «орудия преступления», также несут ответственность как исполнители, но уже не международного преступления, а общеуголовного (убийство, изнасилование, поджог и т. д.). «Гитлеровские солдаты, следовательно, исполнители общеуголовных преступлений... Гитлеровские верхи – исполнители международных преступлений» [5, с. 81–82]. К организаторам и исполнителям международных преступлений А. Н. Трайнин относил Гитлера, его министров, руководителей фашистской партии, немецкое военное командование, уполномоченных гитлеровского правительства. Кроме того, организаторами и пособниками международных преступлений он называл руководителей финансовых и промышленных концернов, поддерживающих фашистов.

Обвинение в соучастии было включено в текст Нюрнбергского приговора. Устав Международного военного трибунала, отражая особенности соучастия в преступлениях против человечества, в нескольких случаях отмечает особенности ответственности соучастников гитлеровских преступников. Статья 6, определяющая состав международного преступления, в п. «а» к преступлениям против мира относит также «участие в общем плане или заговоре», направленных к осуществлению любой формы агрессии. Помимо указания на общий план или заговор, ст. 6 в

последней части содержит положения об ответственности руководителей и пособников: «руководители, организаторы, подстрекатели и пособники, участвовавшие в составлении или в осуществлении общего плана или заговора, направленного к совершению любых из вышеупомянутых преступлений, несут ответственность за все действия, совершенные любыми лицами с целью осуществления такого плана» [7, с. 562–721].

В ходе Нюрнбергского процесса была осуществлена фундаментальная трансформация доктринальных представлений о правовой природе соучастия в международных преступлениях. Данный судебный форум явился катализатором формирования принципиально новых подходов к квалификации преступной деятельности, осуществляемой в рамках организованных преступных сообществ. Защитная риторика подсудимых и их представителей характеризовалась попытками редуцировать сложную природу международных преступлений к традиционным категориям национального уголовного права. Адвокаты прибегали к некорректной экстраполяции правовых конструкций, связанных с институтом соучастия, что приводило к существенному искажению сути инкриминируемых деяний.

Правовой анализ выступлений представителей защиты, в частности позиции Ярайсса, демонстрирует попытку подмены сущностных характеристик преступного сообщества классическими признаками заговора, трактуемого в рамках национального законодательства как конспиративное объединение ограниченного круга лиц для реализации конкретных преступных целей. Методологическая ошибка подобного подхода заключалась в игнорировании специфики государственно-организованного преступного механизма. В действительности имела место комплексная система преступной деятельности, где государственный аппарат был трансформирован в инструмент реализации преступных целей, сформировалась многоуровневая система взаимосвязей между участниками преступного сообщества, присутствовала единая преступная цель при отсутствии необходимости осведомленности каждого участника о конкретных действиях других членов организации.

В данном контексте особо стоит отметить дело «IG Farben», рассмотренное в рамках Нюрнбергского процесса. Судья П. Геберт, выражая свою позицию по делу IG Farben, отмечал, что «"Фарбен" и эти обвиняемые (члены "Форштадта"), действуя через корпоративные структуры, оказали Гитлеру существенную

финансовую поддержку, которая помогла ему захватить власть и способствовала удержанию его у власти; что они работали в тесном сотрудничестве с вермахтом в организации и подготовке мобилизационных планов на случай войны...» [17]. Судья обозначил, что лица, имеющие отношение к концерну, действительно помогали руководству нацистской Германии осуществлять преступную деятельность, однако ни один из обвиняемых по данному делу не был признан виновным в планировании, подготовке, развязывании и ведении агрессивной войны. Обвиняемые были осуждены за конкретные общеуголовные преступления (грабеж, принуждение к рабскому труду и т. д.).

Правовая доктрина, сформулированная в приговоре Нюрнбергского трибунала, внесла существенный вклад в развитие международного уголовного права, утвердив концепцию коллективной ответственности преступных организаций. Трибунал обоснованно констатировал, что признание преступной природы организации не должно ставиться под сомнение исключительно на основании новизны данной правовой конструкции. В приговоре справедливо отмечено, что при доказанности преступной виновности любой организации или группы трибунал должен без колебаний признать ее преступной, не опасаясь новаторского характера данной теории и возможных злоупотреблений в последующих судебных разбирательствах. Таким образом, Нюрнбергский процесс осуществил революционный прорыв в понимании института соучастия, выйдя за рамки традиционных представлений национального уголовного права и заложив фундамент для развития современных концепций ответственности за международные преступления [7, с. 562–721]. Следовательно, уже приговор Международного военного трибунала наполнил реальным содержанием постановления Устава об участии в «общем плане и преступных организациях» и тем самым впервые ввел в практику международной уголовной юстиции оригинальные, отражающие специфику борьбы с преступлениями против человечества принципы ответственности за преступления против человечества, совершенные в соучастии.

Проблема ответственности за соучастие в преступной деятельности имеет глубокие исторические корни и проявлялась задолго до формирования современных правовых концепций. Одним из первых значимых международных документов в этой сфере стал проект конвенции по борьбе с терроризмом, разработанный Комитетом экспертов Лиги Наций в 1934 году.

Этот документ стал настоящим прорывом в правовом регулировании вопросов соучастия, поскольку впервые на международном уровне столь детально рассмотрел различные формы преступного участия в террористической деятельности. Согласно положениям проекта, государства-участники были обязаны криминализовать целый комплекс противоправных действий, включая организацию преступных заговоров, подстрекательство к совершению преступлений (как результативное, так и безуспешное), умышленное соучастие и пособничество в преступной деятельности.

Особую ценность проекту придавало отсутствие территориальных ограничений при определении ответственности. Место совершения самого преступления или сопутствующих действий не влияло на возможность привлечения к ответственности, что значительно расширяло юрисдикционные возможности правоприменительных органов.

Проект предусматривал широкий спектр преступных деяний, в отношении которых устанавливалась ответственность за соучастие. В их число входили посягательства на жизнь и здоровье высших должностных лиц государства, преступления против членов правительства и парламента, нападения на дипломатических представителей, противоправные действия в отношении депутатов, умышленное уничтожение или повреждение имущества и др.

Инновационным элементом проекта стало введение понятия «соучастие в пособничестве», что свидетельствовало о глубоком понимании разработчиками многоуровневой структуры преступной деятельности и сложных форм взаимодействия между участниками преступления [13, с. 78].

Таким образом, проект международной конвенции 1934 года заложил фундаментальные основы для дальнейшего развития международного законодательства в сфере противодействия различным формам соучастия в преступной деятельности, создав прочную правовую базу для последующих нормативных разработок.

Важным этапом в развитии международного уголовного права стало формирование новых подходов к определению ответственности соучастников преступлений. Эти новаторские принципы впервые получили юридическое закрепление в историческом решении Международного военного трибунала в Нюрнберге.

Нюрнбергский трибунал заложил фундаментальную основу для последующего развития международного права в части

регламентации ответственности за соучастие в преступной деятельности. Разработанные там правовые подходы впоследствии были интегрированы в многочисленные международные правовые акты.

Существенный вклад в развитие данной правовой категории внесла Комиссия международного права ООН, которая в 1951 году представила проект кодекса преступлений против мира и безопасности человечества. Этот документ значительно расширил понимание соучастия в международных преступлениях.

Согласно положениям статьи 2 проекта кодекса, к преступлениям против мира и безопасности человечества были отнесены следующие формы соучастия: организация заговора с целью совершения преступлений; прямое подстрекательство к преступным действиям и непосредственное соучастие в совершении преступлений.

Особая значимость проекта заключалась в расширении традиционного понимания института соучастия. Документ совершил качественный скачок в развитии международного уголовного права, впервые интегрировав концепцию соучастия в правовую конструкцию преступления агрессии. Таким образом, документы послевоенного периода создали комплексную систему регулирования ответственности за соучастие в международных преступлениях, которая легла в основу современного международного уголовного права и продолжает развиваться в современных правовых реалиях.

Разработанные правовые механизмы позволили эффективно противодействовать различным формам преступного сговора и обеспечили возможность привлечения к ответственности всех участников международных преступлений, независимо от степени их вовлеченности в преступную деятельность.

Позднее Римским статутом МУС также были разработаны положения о соучастии в преступлении агрессии. Преступным признается:

а) совершение преступления лицом индивидуально, совместно с другим лицом или через другое лицо, независимо от того, подлежит ли другое лицо уголовной ответственности;

б) отдача лицом приказа, подстрекательство или побуждение совершить такое преступление, если это преступление совершается или если имеет место покушение на это преступление;

с) совершенное с целью облегчить совершение такого преступления пособничество или подстрекательство или каким-либо иным

образом содействие его совершению или покушению на него, включая предоставление средств для его совершения;

д) любое иное способствование совершению или покушению на совершение такого преступления группой лиц, действующих с общей целью. Такое содействие должно оказываться умышленно и либо:

i. в целях поддержки преступной деятельности или преступной цели группы в тех случаях, когда такая деятельность или цель связана с совершением преступления, подпадающего под юрисдикцию суда; либо

ii. с осознанием умысла группы совершить преступление;

е) прямое и публичное подстрекательство других к совершению преступления геноцида;

ф) покушение на совершение такого преступления, предпринимая действие, которое представляет собой значительный шаг в его совершении, однако преступление оказывается незавершенным по обстоятельствам, не зависящим от намерений другого лица.

В процессе квалификации деяния как преступления агрессии особую сложность представляли пункты «а»-«д» статьи 25(3) Статута. Суть проблемы заключается в специфике данного правонарушения, которое носит ярко выраженный «лидерский характер». Это означает, что юридическая ответственность может наступить исключительно для тех субъектов, которые обладают реальными полномочиями по управлению или осуществлению действенного контроля над политическими и военными инициативами государства. Данная особенность предопределяет существенные ограничения для привлечения к ответственности. Даже при наличии других соучастников преступной деятельности, помимо непосредственного исполнителя, их невозможно привлечь за преступление агрессии. Причина заключается в отсутствии у них необходимого «лидерского элемента», являющегося обязательным условием для квалификации деяния.

Проиллюстрировать данную ситуацию можно следующим примером: государственный служащий, вовлеченный в подготовку плана вооруженного вторжения, но не имеющий полномочий по контролю или руководству политическими и военными действиями страны, не может быть признан пособником в совершении преступления агрессии. Несмотря на фактическое участие в подготовке противоправных действий, отсутствие требуемого уровня властных полномочий исключает возможность привлечения его к ответственности по данной статье.

При анализе и обсуждении определения преступления агрессии среди участников Кампальской конференции (2010) возникли различные точки зрения относительно механизма привлечения к ответственности. Часть делегатов выступила с инициативой дополнить статью 25(3) Римского статута новым пунктом по аналогии с пунктом «е» той же статьи, который применяется исключительно к преступлению геноцида. Суть предложения заключалась в том, чтобы закрепить положение о применении форм индивидуальной уголовной ответственности только в случаях, соответствующих лидерскому характеру преступления агрессии. Такой подход получил наименование дифференцированного, так как предусматривал возможность применения мер ответственности с учетом специфики данного преступления.

Альтернативную позицию заняли представители других делегаций, предложившие включить нормы об уголовной ответственности непосредственно в определение статьи 8 bis Статута. Этот подход получил название монистического.

В результате обсуждения было принято решение в пользу дифференцированного подхода. Для реализации данного решения в Римский статут был инкорпорирован новый параграф 25 (3) bis. В нем закреплено важное положение о том, что нормы данной статьи распространяются исключительно на лиц, обладающих реальными возможностями осуществлять эффективный контроль над политическими или военными действиями государства либо руководить ими.

По мнению разработчиков, недостаточно считать преступление «лидерским» только для непосредственных исполнителей, ведь «в чем цель лидерского требования для исполнителей, когда не лидеры могут быть привлечены к ответственности как второстепенные преступники...» Поэтому «например, советчики, которые очевидно не будут обладать каким-либо эффективным контролем над действиями государства», не могут привлекаться к ответственности за преступление агрессии. Подобного мнения придерживается К. Хеллер, утверждая, что иные лица, не обладающие полномочиями по управлению государством, никогда не могли соответствовать критерию контроля (и непосредственного участия). Сообщники лишь способствуют, по его мнению, политической или военной деятельности, а не «контролируют или направляют» действия государства; таким образом, они не соответствуют требованиям руководства и, следовательно, не должны нести ответственность за агрессию [12, с. 788–797].

Правовая природа преступления агрессии принципиально исключает возможность его совершения в одиночку. Это обусловлено несколькими фундаментальными факторами: масштаб противоправных действий неизбежно требует коллективных усилий большого количества людей; сложность реализации преступного замысла предполагает наличие специализации у каждого участника; необходимость конспирации и четкой координации действий делает технически невозможным единоличное осуществление подобных преступлений. Как отмечалось в процессе разработки дефиниции преступления агрессии, «...один исполнитель не может применить (вооруженную) силу/совершить вооруженное нападение или акт агрессии через государство; даже глава государства всегда должен использовать множество других лиц, принадлежащих к государственному аппарату (в частности, солдат), чтобы привести к коллективному акту».

Ряд авторов придерживается дифференцированного подхода к определению круга соучастников данного преступления. В частности, Р. Б. Дзейтова полагает, что «учитывая вышеизложенное, стоит согласиться со сторонниками дифференцированного подхода, которые распространили лидерское требование и на иных соучастников, помимо исполнителей. Иное понимание может привести к тому, что в качестве пособников будут привлечены, например, солдаты. Однако, даже учитывая особенности исполнительства в преступлении агрессии, рядовые солдаты не могут совершить преступление агрессии» [2, 141]. Мы полагаем, что сужение круга соучастников недопустимо с точки зрения уголовного права Российской Федерации, так как согласно ст. 32 УК РФ соучастие предполагает умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении умышленного преступления, соответственно, для совершения преступления в соучастии необходимо наличие прямого умысла на совершение преступления, а также совместность совершения действий. В Общей части УК РФ отсутствуют какие-либо требования к соучастникам. Только в отдельных нормах Особенной части УК РФ наблюдается уточнение признаков субъекта состава преступлений, и, соответственно, они распространяются на соисполнителей. При этом в случае сложного соучастия, когда в совершении преступления задействованы иные лица, например пособники, признаки специального субъекта на них не распространяются.

Суть наличия в конструкции состава преступления специальных признаков его

субъекта заключается в ограничении круга исполнителей. Иначе любое лицо, отвечающее общим требованиям к субъекту состава преступления, можно было бы отнести к таковым. Институт соучастия, в свою очередь, предполагает возможность привлечения к уголовной ответственности лиц, хотя и не отвечающих конкретно установленным относительно отдельного состава преступления признакам субъекта, но участвовавших тем или иным образом в совершении деяний, предусмотренных объективной стороной состава преступления. Согласно международному обычному праву, лица, обладающие экономическими и промышленными ресурсами, могут быть привлечены к ответственности за соучастие в агрессивной войне. Таким образом, позиция распространения «лидерских качеств» на всех возможных соучастников преступления, на наш взгляд, является не вполне обоснованной с точки зрения действующего законодательства.

На наш взгляд, нормы института соучастия не являются применимыми при квалификации действия отдельных солдат и военнослужащих в ходе ведения агрессивной войны. Вооруженные силы отдельного государства – это государственные военные организации, составляющие оборону страны. Члены вооруженных сил дают присягу, в которой обязуются соблюдать законы Отечества, воинские уставы и постулаты, а также выполнять приказы своего командования. Для того, чтобы лицо было признано соучастником в преступлении, необходимо установить направленность его умысла – в данном случае наличие прямого умысла на ведение агрессивной войны. Как нами будет рассмотрено позднее, ведение агрессивной войны представляет прежде всего комплекс интеллектуальных действий по даче приказов на совершение тех или иных актов агрессии, осуществлению стратегического планирования уже после развязывания агрессивной войны и т. д. Рядовые военнослужащие не могут быть допущены к таким процессам, в связи с чем не могут подстрекать, пособничать, а тем более организовывать осуществление данного преступного деяния. К тому же мы полагаем, что, находясь на службе у государства и веря в правильность его действий, военнослужащие не осознают агрессивность его действий, и ими выполняются только преступные приказы командования. В связи с этим мы склонны полагать, что рядовые военнослужащие, не относящиеся к военному командованию, не могут быть привлечены к уголовной ответственности за ведение агрессивной войны в качестве соучастников, так как направленность их

умысла не соответствует субъективной стороне состава преступления, закрепленного в ч. 2 ст. 353 УК РФ.

Наши выводы подтверждаются релевантной судебной практикой. Так, Верховным судом Донецкой Народной Республики был вынесен приговор В., которым последний был осужден за «покушение на убийство по мотивам идеологической и национальной ненависти». Верховными судами Донецкой и Луганской Народных Республик также были вынесены приговоры по двум уголовным делам гражданам Украины В. и М. Все они признаны виновными в жестоком обращении с гражданским населением и применении в вооруженном конфликте запрещенных методов и средств ведения войны.

Следствием и судом установлено, что 23 марта 2022 года В., являясь командиром группы батальона «Азов» (запрещенная в РФ террористическая организация) и находясь в одном из домов города Мариуполя, допустил жестокое обращение с местной жительницей, нанеся ей удары по телу и лицу ногами и прикладом автомата. Вина указанного лица была подтверждена совокупностью доказательств, в том числе показаниями свидетелей, а также признательными показаниями самого подсудимого.

По информации ведомства, М. с 20 марта 2021 года проходил военную службу в отдельном специальном батальоне ВСУ командиром взвода. 4 июня 2022 года в Северодонецке Луганской Народной Республики М., получив приказ осмотреть улицы и дома города, зашел в одну из квартир на втором этаже многоквартирного дома по улице Гагарина. М. выстрелил из противотанкового гранатомета по подъезду жилого дома. В результате двое гражданских лиц получили телесные повреждения, также было уничтожено имущество. М. полностью признал вину, раскаялся.

Несмотря на то, что данные действия не были признаны Советом Безопасности ООН актами агрессии, мы полагаем, что подход о квалификации преступных действий служащих вооруженных сил отдельных государств по общеуголовным нормам должен быть применен и в ситуации наличия состояния агрессивной войны [16].

Связанным с вышеизложенным является вопрос о возможности привлечения рядовых военнослужащих к уголовной ответственности как пособников в ведении агрессивной войны за деяния, совершенные по приказу высшего командования. Рядовой военнослужащий, таким образом, может совершать отдельные преступления в рамках ведения

агрессивной войны: геноцид, применение запрещенных средств и методов войны, убийства, грабежи, разбои и др.

Аналогично проблеме соучастия проблема привлечения к уголовной ответственности за исполнение преступного приказа была в центре внимания юристов еще в первой четверти XX в. Так, в докладе Комиссии пятнадцати говорится, что «ни гражданские, ни военные власти не могут быть освобождены от ответственности только в силу того, что вышестоящая власть может быть осуждена за то же самое преступление. Суд должен в каждом отдельном случае решить, является ли достаточным основанием для оправдания ссылки лица, которому вменяется в вину совершение поступка, предусмотренного докладом об ответственности, на то, что оно действовало, исполняя приказ начальника» [6, с. 290]. В ст. 3 Вашингтонского договора 1922 г. также было закреплено, что «любое лицо, находящееся на службе, которое нарушило бы одно из этих правил, притом независимо от того, находится ли оно в подчинении у правительственного должностного лица или нет, будет рассматриваться как нарушитель законов войны и будет подлежать суду и наказанию как за акт пиратства» [1, с. 67].

В правовой системе России исторически действовал принцип условной обязательности приказа. Его нормативное закрепление прослеживается в различных правовых актах: от Артикула воинского 1715 года до дисциплинарных уставов Красной Армии 1919 и 1925 годов. Существенные изменения в данном правовом институте произошли в период Второй мировой войны. Именно тогда был осуществлен переход к принципу безусловной обязательности приказа, который впервые нашел свое отражение в Дисциплинарном уставе Вооруженных Сил СССР 1940 года. Так, в положениях Устава закреплялось: «Советская воинская дисциплина обязывает: твердо знать и точно и беспрекословно выполнять военную присягу, воинские уставы и наставления, *все* (курсив наш. – Л. Б.) приказы и распоряжения начальников и старших; строго соблюдать установленный в Армии порядок и удерживать других от его нарушения; добросовестно выполнять все обязанности и поручения по службе; строго хранить военные и государственные секреты; всемерно беречь военное имущество и народное достояние», «Подчиненные обязаны *беспрекословно* (курсив наш. – Л. Б.) повиноваться своим командирам и начальникам», «Приказ командира и начальника – закон для подчиненного. Он должен быть выполнен безоговорочно, точно и в срок. Невыполнение приказа

является преступлением и карается судом военного трибунала» (Приказ народного комиссара обороны Союза ССР № 356). Согласно Положению о воинских преступлениях 1927 г., «неисполнение отданного в порядке службы приказа влечет за собой лишение свободы со строгой изоляцией или без таковой на срок до 2 лет» (Постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 27.07.1927 «Положение о воинских преступлениях» // СЗ СССР. 1927. № 50. Ст. 505). При этом уголовное законодательство рассматриваемого периода не содержало такого обстоятельства, исключающего уголовную ответственность или смягчающего наказания, как «исполнение приказа или распоряжения».

Интересно отметить, что этот вопрос также поднимался в ходе судебных процессов над Германией после окончания Первой мировой войны (проходили в Лейпциге с 23 мая по 16 июля 1921 года в Уголовной палате Имперского суда Германии). В частности, в одном из судебных заседаний было отмечено, что «в соответствии с Военно-уголовным кодексом (принят в 1872 г. в Германии. – Прим. Л. Б.), если исполнение приказа при обычном исполнении служебных обязанностей влечет за собой такое нарушение закона, которое влечет за собой наказание, только вышестоящий офицер, отдавший такой приказ, несет ответственность. Однако подчиненный, выполняющий такой приказ, подлежит наказанию, если ему было известно, что приказ начальника является нарушением гражданского или военного права. Это относится к обвиняемому. Подчиненные военные не обязаны подвергать сомнению приказ своего начальника, и они могут рассчитывать на его законность. Но нельзя считать, что такое доверие существует, если такой приказ общеизвестен всем, в том числе и обвиняемым, как безоговорочно противоречащий закону. Это случается только в редких и исключительных случаях. Но этот случай был именно одним из них, поскольку в данном случае обвиняемому было совершенно ясно, что убийство беззащитных людей в спасательных шлюпках не могло быть ничем иным, кроме как в нарушение закона» [12, с. 131].

Советская доктрина также разделяла данный подход. В частности, В. М. Чхиквадзе писал, что «не только боевой приказ, но и любое распоряжение, задание или поручение начальника должно исполняться безоговорочно», «приказ начальника – закон для подчиненных» [10, с. 196]. Военнослужащий не имеет права оценивать данный ему приказ, он обязан беспрекословно подчиняться и исполнять его, так как иное подрывает

авторитет войск и создает анархию. Данные положения образуют собой принцип беспрекословного повиновения. Из этого принципа также следует то, что ответственность за последствия, вызванные исполнением приказа, несет не подчиненный, а его начальство. Ученый предложил выделить следующие признаки надлежащего приказа: он должен быть отдан полномочным на это лицом; должен быть отдан в установленном порядке и надлежащей форме; не должен выходить за пределы прав и обязанностей, предоставленных командованию законом; должен заключать в себе требования, направленные на пользу военной службы; не должен содержать в себе незаконных предписаний. Законными при этом являются приказы, направленные на устранение препятствий для поражения неприятеля (например, ранение караульным лица, который своими действиями покушался на охраняемые объекты, при условии, что это произошло в рамках предписаний караульной службы). Таким образом, «действия, совершенные военнослужащими во имя осуществления возложенных на них воинских обязанностей, не могут быть признаны противоправными и наказуемыми даже при наступлении последствий, имеющих внешние признаки преступления» [10, с. 192].

В. М. Чхиквадзе выделил единственное исключение из общего правила, которое было сформировано на основе судебной практики. Речь идет о ситуации, когда военнослужащий исполняет заведомо преступный приказ. В подобных обстоятельствах правовые последствия распределяются следующим образом: исполнитель приказа привлекается к ответственности в качестве соучастника преступления, а командир, отдавший незаконное распоряжение, признается непосредственным исполнителем. Эта норма легла в основу второго основополагающего принципа военной службы, известного как принцип относительного повиновения.

В Уставе Нюрнбергского трибунала и его Приговоре было сформулировано и закреплено общеобязательное правило о том, что исполнение преступного приказа не освобождает исполнителя от уголовной ответственности, хотя и может расцениваться в качестве основания смягчения наказания. В дальнейшем это императивное предписание было продублировано во многих ключевых актах международного права и национальном уголовном законодательстве. Соответствующие положения были в последующем воспроизведены в международных проектах и документах, посвященных этой теме.

Помимо проекта кодекса преступлений против мира и безопасности человечества и Римского статута МУС, данная тема была рассмотрена в ходе Международного трибунала по бывшей Югославии (далее по тексту – МТБЮ) и Международного народного трибунала по Руанде (далее по тексту – МНТР). Так, ч. 4 ст. 7 Устава МТБЮ закрепляет следующее положение: «тот факт, что обвиняемый действовал по приказу правительства или начальника, не освобождает его от уголовной ответственности, однако может рассматриваться как основание для смягчения наказания, если Международный трибунал признает, что этого требуют интересы правосудия» [14], идентичное положение содержится в ч. 4 ст. 6 Устава МНТР [15].

В то же время данный принцип в отечественной доктрине несколько трансформировался. В настоящее время в военном праве действует принцип условной обязательности приказа. Так, в соответствии с абз. 3 ст. 26 Федерального закона «О статусе военнослужащих» от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ любой военнослужащий обязан строго соблюдать Конституцию Российской Федерации, законы, требования общевоинских уставов и беспрекословно выполнять приказы командиров. Согласно ст. 34 УВС ВС РФ, начальник имеет право отдавать подчиненному приказы и требовать их исполнения, а подчиненный обязан беспрекословно выполнять приказы начальника. Кроме того, закрепляется, что обсуждение и критика приказа недопустимы. Приказ должен быть выполнен беспрекословно, точно и в срок. И только выполнив приказ, военнослужащий, несогласный с ним, может его обжаловать (ст. 39, 43 УВС ВС РФ). В силу сказанного неисполнение приказа признается преступлением и влечет уголовную ответственность (ст. 332 УК РФ) [3, с. 89–94].

В современной правовой доктрине особое место занимает исследование института обязательности приказа в системе военно-служебных отношений. Существенный вклад в развитие данной проблематики внес Д. А. Дорогин, который обосновал ограниченность безусловного характера обязательности приказа двумя ключевыми факторами.

По его мнению, приказ приобретает обязательный характер только при соблюдении двух фундаментальных условий. Во-первых, это содержательный аспект, который предполагает принадлежность приказа к сфере военной службы. Во-вторых, это правовой аспект, требующий безусловной законности отданного распоряжения. Данная концепция находит теоретическое обоснование в

работах других видных исследователей, среди которых особое место занимают труды Х. М. Ахметшина. Развивая эту мысль, он формулирует основополагающий принцип, согласно которому военный служащий обязан исполнять исключительно те приказы командира (начальника), которые отвечают следующим критериям: имеют служебный характер, соответствуют интересам военной службы, относятся к сфере военно-служебных отношений.

Такой подход к пониманию обязательности приказа позволяет сформировать целостную правовую конструкцию, учитывающую как интересы воинской дисциплины, так и законные права военнослужащих. Это положение имеет существенное практическое значение, поскольку создает механизм защиты от необоснованных требований и способствует поддержанию законности в системе воинских отношений. В результате формируется сбалансированная правовая модель, где обязательность приказа не является абсолютной, а определяется комплексом взаимосвязанных факторов. Такой подход обеспечивает необходимый баланс между поддержанием воинской дисциплины и соблюдением законности, что является фундаментальным принципом построения современных военно-служебных отношений.

Согласно п. 3 ст. 37 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» командирам (начальникам) запрещается отдавать приказы (приказания) и распоряжения, направленные на нарушение законодательства Российской Федерации. Командиры (начальники), отдавшие указанные приказы (приказания) и распоряжения, привлекаются к ответственности в соответствии с законодательством Российской Федерации. Эта норма продублирована в ст. 41 УВС ВС РФ, где также добавляется, что приказ (приказание) должен соответствовать федеральным законам, общевоинским уставам и приказам вышестоящих командиров (начальников). Отдавая приказ (приказание), командир (начальник) не должен допускать злоупотребления должностными полномочиями или их превышения.

Если бы действовала аксиома «приказ – закон для подчиненного», такой приказ все равно должен был бы быть исполнен. Ведь «если немыслима ответственность за исполнение закона, то точно так же немыслима ответственность и за исполнение подчиненным приказа начальника» [10, с. 72–73].

В современной системе уголовного права особое значение приобретает принцип условной обязательности приказа, который в

сочетании с положениями уголовного законодательства формирует уникальный механизм регулирования ответственности за исполнение распоряжений.

Данный правовой институт представляет собой сложный юридический механизм, где центральным элементом выступает осознание исполнителем законности полученного приказа. Законодатель устанавливает четкую градацию ответственности в зависимости от степени осведомленности лица о противоправном характере распоряжения.

При анализе правовых последствий исполнения приказа можно выделить две принципиально разные ситуации: осознанное исполнение незаконного приказа – в этом случае лицо, понимая противоправность распоряжения, добровольно принимает на себя ответственность за его выполнение. Согласно части 2 статьи 42 УК РФ, такое лицо подлежит уголовной ответственности на общих основаниях, что является справедливым правовым последствием его действий. И вторая ситуация – добросовестное исполнение, когда исполнитель не осознает незаконность приказа, уголовная ответственность исключается на основании части 1 статьи 42 УК РФ. Это положение отражает принцип вины как необходимого элемента уголовной ответственности.

Ключевым аспектом в данной правовой конструкции выступает именно фактор осознания. Именно он определяет правовую оценку действий исполнителя и служит основанием для применения либо неприменения мер уголовной ответственности.

Законодательная модель предусматривает единственную легитимную альтернативу при получении незаконного приказа – отказ от его исполнения. Такой подход обеспечивает баланс между необходимостью соблюдения служебной дисциплины и защитой прав добросовестных исполнителей.

В результате формируется эффективная правовая система, где исполнение приказа рассматривается как обстоятельство, исключающее уголовную ответственность только при отсутствии признаков виновности. Это позволяет защищать права добросовестных исполнителей, предотвращать злоупотребления служебным положением, а также обеспечивать законность в сфере исполнения распоряжений.

Таким образом, действующее законодательство создает продуманный правовой механизм, основанный на принципе виновности как фундаменте уголовной ответственности, что обеспечивает справедливость правоприменительной практики.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ И ВЫВОДЫ

Анализ проблематики уголовно-правовой оценки действий военнослужащих при осуществлении актов агрессии позволяет прийти к следующим выводам. Проблема соучастия в международных преступлениях требует особого подхода. Поддержку в доктринальных исследованиях получил дифференцированный подход к определению круга ответственных лиц, который учитывает специфику преступлений агрессии и исключает возможность привлечения к ответственности рядовых исполнителей, не обладавших реальными полномочиями по принятию решений. На наш взгляд, однако, данный подход противоречит положениям уголовного законодательства Российской Федерации, и соучастником может быть признано любое лицо, непосредственно задевшее в совершении преступлений агрессии. Соисполнителем, в свою очередь, может быть признано лицо, отвечающее признакам специального субъекта состава преступления. Военнослужащие не могут быть признаны соучастниками, так как не принимают участия в ведении агрессивной войны по смыслу ч. 2 ст. 353 УК РФ и за преступления, совершенные в рамках осуществления военных действий, будут нести ответственность по общеуголовным преступлениям.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вашингтонская конференция по ограничению вооружений и тихоокеанским и дальневосточным вопросам 1921–1922 гг. / (полный перевод актов и документов, предисловие А. В. Сабанина, вступительная статья Л. Е. Берлина). – Москва : Литиздат НКВД, 1924. – 139 с.
2. Дзейтова, Р. Б. Основание индивидуальной уголовной ответственности за преступление агрессии : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Р. Б. Дзейтова. – Москва, 2024. – 252 с.
3. Дорогин, Д. А. Исполнение приказа в условиях военной службы как обстоятельство, исключающее уголовную ответственность / Д. А. Дорогин // Право в Вооруженных Силах. Военно-правовое обозрение. – 2016. – № 4 (226). – С. 89–94.
4. Курс уголовного права. Особенная часть / под ред. В. Н. Кудрявцева, А. В. Наумова. – Москва, 2002. – 1038 с.
5. Лебедева, Н. С. Подготовка Нюрнбергского процесса / Н. С. Лебедева ; отв. ред. А. И. Полтораки. – Москва : Наука, 1975. – 238 с.
6. Ромашкин, П. С. Военные преступления империализма / П. С. Ромашкин. – Москва : Госюриздат, 1953. – 440 с.
7. Приговор Международного военного трибунала. Нюрнберг, 1 октября 1946 г. // Нюрнбергский процесс : сборник материалов : в 8 т. – Москва : Юридическая литература, 1999. – Т. 8. – С. 561–721.
8. Савенков, А. Н. Нюрнберг: приговор во имя Мира : монография / А. Н. Савенков. – Москва : Проспект, 2021. – 760 с.
9. Трайнин, А. Н. Уголовная ответственность гитлеровцев / А. Н. Трайнин. – Москва : Юридическое издательство, 1944. – 105 с.
10. Чхиквадзе, В. М. Советское военно-уголовное право / В. М. Чхиквадзе. – Москва : Юридическое издательство, 1948. – 452 с.
11. Decision of the German Reichsgericht in Leipzig in the case of the «Llandovery Castle», quoted by Mullins // The Leipzig Trials. – 1921. – P. 107–144.
12. Hajdin, N. Responsibility of private individuals for complicity in a war of aggression / N. Hajdin // The American journal of international law. – 2022. – Vol. 116:4. – P. 788–797.
13. Saul, B. The Legal Response of the League of Nations to Terrorism / B. Saul // Journal of International Criminal Justice. – 2006. – № 4 (1). – P. 78–102.
14. Устав Международного Трибунала по бывшей Югославии // Организация Объединенных Наций. – URL: <https://www.un.org/ru/law/icty/charter.shtml> (дата обращения: 08.01.2025).
15. Устав Международного народного Трибунала по Руанде // Организация Объединенных Наций. – URL: <https://www.un.org/ru/law/icttr/charter.shtml> (дата обращения: 08.01.2025).
16. Верховные суды ДНР и ЛНР вынесли приговоры украинским военным за преступления против мирных граждан // Российская газета. – URL: <https://rg.ru/2023/03/10/verhovnye-sudy-dnr-i-lnr-vynesli-prigovory-ukrainskim-voennym-za-prestupleniia-protiv-mirnyh-grazhdan.html> (дата обращения: 08.01.2025).
17. The IG Farben // Организация Объединенных Наций. – URL: <https://www.un.org/ru/law/icttr/charter.shtml> (дата обращения: 06.10.2025).